

Клубные встречи

Встр. клуб. - 1992 - 26 дек. - С. 4

щищая честь возлюбленной, он ударом трости убил оскорбившего ее прохожего и предстал перед судом. На процесс явился «весь Париж», чтобы впервые услышать голос Дебюро... Этот эпизод в картину не вошел, но дал импульс: Превьер начал писать сценарий. Косма — подбирать музыку. Траунер — компоновать декорации (а в это время Косма и Траунера разыскивали гитлеровцы — композитор и художник имели отношение к партизанам Сопротивления). Карне намеренно затягивал выпуск фильма, не желая показывать его оккупантам. Премьеру устроили 9 марта 1945-го в освобожденном от фашистов Париже во дворце Шайо (вон он, там, на правом берегу).

Герой фильма, мим Батист, — один из самых дорогих мне образов. Мы с ним во многом схожи.

— Вас почитает весь цивилизованный мир. В вашей жизни было немало особенных встреч, расскажите хотя бы об одной.

— Мы играли в Англии, я был в тот вечер одним из шекспировских королей. На спектакле присутствовала Елизавета II. Во время действия неловкий статист наступил мне на мантию, произошла неприятная заминка... На ужине после представления королева Елизавета сказала мне: «Не расстраивайтесь, сэр Барро, во время моей коронации неуклюжий паж наступил на мой шлейф. Такова судьба наша с вами — королей». Понимаю, что это был лишь изящный комплимент, а все равно лестно.

— Хотя иногда вам приходит на память Москва?

— Отнюдь не иногда, а очень часто! С юных лет я восхищался Станиславским и Мейерхольдом; я смотрел спектакли российских, в том числе московских, коллег во время их гастролей в Париже; я помню московских зрителей, бесконечно гостеприимных и даже чуть излишне восторженных, во всяком

случае нас они принимали прекрасно, а ведь мы с Мадлен и труппой приезжали в Москву дважды, в 1962-м и в 1976-м. Нет, забыть этот город невозможно. Я много пострадал по земному шару, вплоть до Аляски, но есть память гастрольная, а есть память сердца.

— Ваши предки были виноделами. Как же вы подальше в актеры?

— Предки были виноделами до мозга костей! Мой дед написал в завещании: «Когда станете отплевывать в церкви, поставьте мне на грудь кувшин с вином». Так сложилась жизнь, мои родители переехали из провинции в Париж. Я учился в Лувре в художественной школе. Затем поступил в труппу театра «Ателье». Меня натаскивали вулканические трагики тех далеких лет, они «рвали страсти в клочья». С улыбкой вспоминаю, как разогрел себя перед выходом на сцену один из наших тогдашних корифеев. Он должен был предстать перед публикой взбешенным; для этого он находил в кулисе дырку или другой дефект и начинал шепотом: «Боже, до чего можно довести храм святого искусства! Им, этим корыстолюбцам, нет дела до собственного театра! Они рвут кулисы, они способны разрушить сцену! Нет, я это не переживу!», — и вылетал на подмостки вконец разъяренным...

— С Мадлен Рено вы встретились в театре «Ателье»?

— Нет, в «Комеди-Франсез» в 1936-м. И через десять лет решили создать свой театр. Ради меня Мадлен оставила «Комеди-Франсез», где была одной из ведущих актрис. Мы прошли вместе большой путь, не расставаясь ни на один день. Никогда не вели светскую жизнь, мало бывали где-либо вне своего театра, одинаково считая, что наше счастье и

заявление о том, что я не люблю детей... Был ответ: «Не больше двух сразу»...

— Некогда, чтобы заработать себе на учебу и пропитание, мне пришлось поработать воспитателем в колледже-интернате. На собственной шкуре я испытал в полной мере, насколько жестоки могут быть дети, когда их много и они кому-нибудь сопротивляются. Нет-нет, спорить не пытайтесь. Дети — цветы жизни, но в дискуссии с вами я вступаю лишь после того, как вы утихомирите банду сорванцов, которым полагается спать после полуночи, а они решили повеселиться...

— Можно сформулировать ваше устоявшееся творческое кредо?

— Продолжение. Поступательное движение. Создание на сцене атмосферы чувств, которые волновали бы максимально большее число людей. Художник обязан длиться. И еще: у театра должно быть коллективное сердце, полное любви и терпения.

— Как вы выбираете произведения для своего репертуара?

— Играем классику, чтобы омолодить ее, раскрыть нынешнему зрителю ее вечную живую сущность и попутно усовершенствовать собственное умение работать в театре. Попадаете ли рукопись умной, драматургически ценной современной пьесы (о, как редко это бывает!), стараемся ее завладеть и поставить. Веду так называемый личный поиск, то есть беру какой-либо, обязательно значительный литературный первоисточник. Мы не просто инсценируем его, но как бы воссоздаем сценическими средствами, на пластическом языке театра. Этот личный поиск я начал еще до второй мировой войны, тогда, будучи двадцати четырьмя лет от роду, поставил роман Фолкнера. Затем поставил Сервантеса, затем — Кафку... Спектакль по произведениям Рабле (он так и назван был — «Рабле»). «Искушение святого Антония» по Флоберу, «Ночи Парижа» Ретифа де ла Бретона, «Гарольда и Мод» Хиггинса, «Христофора Колумба» Клоделя. Специально на Мадлен поставил «О, прекрасные дни» Беккета, «Английскую любовницу» Франсуа Бийеду, наконец «Вишневый сад» Чехова, где Мадлен играла Раневскую, а я — Петю Трофимова. «Вишневый сад» — самая парижская из всех русских пьес. Спектакли, названные последними, — три пьесы — принесли Мадлен грандиозный успех не только во Франции. Как, впрочем, и роль в «Мамуре», которую, как я слышал, блестяще играет в Малом ваша Елена Гоголева.

— А если заглянуть вперед? За что хотите взяться?

— Сейчас такое нервное, напряженное время, когда парадоксально сталкиваются возможности жить всем народам земли лучше, спокойнее, дружнее, когда исчезает главная угроза — ядерная война, и стремление отдельных личностей или группировок, или объединений взорвать общую спокойствие. Невольно обращаешься к Достоевскому, к его глубинной аналитичности в поисках ответа на вопрос: «Почему? Зачем?». К Достоевскому, которого можно и нужно ставить почти всего. К Ионеско. К Мрожеку. Они тоже помогают найти ответ.

— Что вы думаете о нас, мэтр? О России?

— Можно сказать много, а можно выразить мысль коротко: я уверен, что логика жизни восторжествует, и в Москве, как в Париже, будет площадь Согласия — в честь этого торжества.

Интервью взял
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Париж — Москва.

На снимке: Жан-Луи Барро и Мадлен Рено; Барро в фильме М. Карне «Дети райка».

Фото Виктора АХЛОМОВА
и из архива Ж.-Л. Барро.

Жан-Луи БАРО:

"Уверен: в Москве, как в Париже, будет площадь Согласия"

Как пишет Андре Моруа, «спуститься по Сене от Нотр-Дама к дворцу Шайо — значит пройти по триумфальной дороге Франции». Именно на этой дороге, слева, на набережной д'Орсе, в здании старого вокзала Гар-д'Орсе, устроила свой театр «Компани Мадлен Рено и Жан-Луи Барро». Зал с деревянными потолками и крышей, по стенам фойе развешены декорации лучших спектаклей, а в окна видны — вблизи и подальше — великие дворцы: Почетного легиона, Бурбонский, Дом инвалидов, Лувр, Тюильри, Пале-Руаяль...

Мэтру Барро за восемьдесят; он актер и режиссер Франции, почти такой же великий, как окружающие его дворцы. В 1976 году, давая интервью во время гастролей в Москве, он пригласил меня заглянуть когда-нибудь в Гар-д'Орсе. И вот я заглянул.

— Как ваше самочувствие, мэтр?

— После шестидесяти с лишком лет театральной работы чувствую, что весь груз лицедейства, комедиантства, поисков, споров вокруг каждого ставящегося спектакля — тяжкая ноша. Но не зря же в моих жилах струится бургундское вино! Триста лет Барро были бургундскими виноделами, я по рождению крестьянин, а мы, крестьяне, крепкие люди.

— Наши телезрители знают вас по главной роли в классическом фильме Карне «Дети райка». Верно говорят про этот фильм: он, как доброе вино, от времени только выигрывает. Как вспоминается вам эта работа?

— Это началось... Зимой 1943 года на террасе отеля «Руаяль» в Ницце сидели мы с Марселем Карне и Жаксом Превьером. И я рассказал им историю Жана Гаспара Батиста Дебюро, знаменитого мима XIX века. За-

случае нас они принимали прекрасно, а ведь мы с Мадлен и труппой приезжали в Москву дважды, в 1962-м и в 1976-м. Нет, забыть этот город невозможно. Я много пострадал по земному шару, вплоть до Аляски, но есть память гастрольная, а есть память сердца.

— Ваши предки были виноделами. Как же вы подальше в актеры?

— Предки были виноделами до мозга костей! Мой дед написал в завещании: «Когда станете отплевывать в церкви, поставьте мне на грудь кувшин с вином». Так сложилась жизнь, мои родители переехали из провинции в Париж. Я учился в Лувре в художественной школе. Затем поступил в труппу театра «Ателье». Меня натаскивали вулканические трагики тех далеких лет, они «рвали страсти в клочья». С улыбкой вспоминаю, как разогрел себя перед выходом на сцену один из наших тогдашних корифеев. Он должен был предстать перед публикой взбешенным; для этого он находил в кулисе дырку или другой дефект и начинал шепотом: «Боже, до чего можно довести храм святого искусства! Им, этим корыстолюбцам, нет дела до собственного театра! Они рвут кулисы, они способны разрушить сцену! Нет, я это не переживу!», — и вылетал на подмостки вконец разъяренным...

— С Мадлен Рено вы встретились в театре «Ателье»?

— Нет, в «Комеди-Франсез» в 1936-м. И через десять лет решили создать свой театр. Ради меня Мадлен оставила «Комеди-Франсез», где была одной из ведущих актрис. Мы прошли вместе большой путь, не расставаясь ни на один день. Никогда не вели светскую жизнь, мало бывали где-либо вне своего театра, одинаково считая, что наше счастье и

— Вас спросили: «Любите ли вы детей?».

Был ответ: «Не больше двух сразу»...

— Некогда, чтобы заработать себе на учебу и пропитание, мне пришлось поработать воспитателем в колледже-интернате. На собственной шкуре я испытал в полной мере, насколько жестоки могут быть дети, когда их много и они кому-нибудь сопротивляются. Нет-нет, спорить не пытайтесь. Дети — цветы жизни, но в дискуссии с вами я вступаю лишь после того, как вы утихомирите банду сорванцов, которым полагается спать после полуночи, а они решили повеселиться...